

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Бубнов Игорь Васильевич, канд. ист. наук, доцент

Одесский государственный экологический университет, Украина

Халилова-Чуваева Юлия Александровна, канд. политологии, доцент

Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М.Туган-

Барановского, Украина

участники конференции

национального первенства по научной аналитике

УДК 316.72:323.2

В статье проанализированы сущность и причины обострения проблемы национальной идентичности в условиях кризиса европейской политики мультикультурализма, определены возможные угрозы практической реализации указанной политики.

Ключевые слова: мультикультурализм, толерантность, национальная идентичность, глобальная инокультурная миграция, политкорректность, культурная однородность, гражданское общество.

The paper analyzes the essence and causes of the growing problem of national identity in the crisis of the european policy of multiculturalism, defined potential threats of practical implementation of this policy.

Key words: multiculturalism, tolerance, national identity, global foreign cultural migration, political correctness, cultural homogeneity, civil society.

Широкомасштабная миграция населения в Европе и социально - политические последствия этого процесса представляют собой одно из наиболее актуальных политических явлений современного мира. Исследование политических аспектов явления массовой транснациональной миграции, особенно в контексте интеграции новых диаспор мигрантов в европейское сообщество и связанных с этим кризисных явлений межнационального характера, стали одной из главных и наиболее сложных задач, которые встали перед политической наукой. Практические действия политических элит европейских стран по замещению национального сообщества мультикультурным постепенно приводят к разрыву единого социально-политического пространства, создавая угрозу цивилизационного разлома в европейском обществе. Фактический крах в большинстве европейских стран широко

разрекламированной политики мультикультурализма заставляет задуматься над причинами такого положения дел и развернуть соответствующие научно-теоретические исследования.

Современные миграционные процессы привлекают к себе внимание исследователей практически всех отраслей научного знания: экономистов, финансистов, юристов, языковедов, философов, социологов, культурологов, религиоведов и т.п. Значительный интерес в этом плане представляют собой исследования различных теоретических вопросов сущности и причин миграции, представленные в трудах известных западных аналитиков, в частности: Б. и Д. Колфилда, Ф.Дюваля, Ф. Броделя, Б.Томаса, Т.Шульца, П.Стокера, Ч.Джингвена, С.Бенхабиб и многих других. Конструктивный анализ миграционных проблем в условиях российской действительности проводят такие ученые, как: В.А. Ионцева, А.В. Тюрюканова, С.Олимова, Г.С.Витковская, Ж.А.Заенчковская, Л.Л. Рыбаковский, А.В.Топилин, В.А.Малахов, В.О.Мамонова, В.О.Тишков и др. Вклад указанных ученых в изучение различных проблем явления миграции является весомым и безусловным, но недостаточным, когда возникают практические вопросы политического упорядочения миграционных процессов и, соответственно, необходимости осуществления специальных исследований относительно путей, средств, условий и последствий адаптации различных диаспор, которые стали образовываться в странах ЕС, к новой социокультурной среде. В целом политическая наука на сегодня оказалась не готовой полностью осмыслить сущность современных интеграционных процессов, еще не разработаны способы преодоления уже имеющихся негативных последствий ошибочной миграционной политики, отсутствуют конкретные практические рекомендации по принятию успешных политических решений в данной сфере.

Целью исследования является определение признаков и последствий широкомасштабной европейской миграции и связанного с ней кризиса национальной идентичности в рамках политики мультикультурализма.

На европейском континенте политика мультикультурализма и проблема сохранения национальной идентичности были инспирированы массовой миграцией и появились одновременно с ней. Острая необходимость интегрирования огромных масс людей в новое общество требовала нестандартных политических решений, которых в исторической практике еще не было. Поскольку миграция поначалу рассматривалась как явление временное и преходящее, постольку ни одно государство не рассчитывало, что мигранты, приехавшие в поисках работы, захотят остаться в новых странах в качестве их граждан или пожизненных гостей. Когда это стало реально происходить, политики, как в целом и общество, оказались не готовыми к такому повороту событий. Миграция довольно быстро превратилась в неконтролируемое и остроконфликтное явление. Возрос ее масштаб,

изменился ее характер, сформировались новые ее виды. Особую опасность сегодня создают многочисленные беженцы и нелегальные мигранты. Обе эти группы не стремятся к интеграции в новое общество и даже не способны к этому. Часть беженцев надеется вернуться домой по окончании на родине военных действий, другие довольствуются социальной помощью, которую они получают. Особую позицию занимают нелегальные мигранты. Выучить язык, получить квалификацию, официально найти работу они не могут и поэтому объединяются с криминальными элементами, участвуют в наркобизнесе, торговле людьми и других незаконных действиях, превращаясь в антагонистов того общества, которое их приняло. Появление новых типов мигрантов увеличивает этнические и конфессиональные противоречия не только между местным населением и мигрантами, но и между иммигрантскими общинами. Все это приводит к дальнейшей политизации этнонациональных отношений. В результате во многих странах Европы происходит радикализация национальных обществ (неонацизм) и возрастает угроза исламского конфессионального терроризма.

Рассматривая последствия неконтролируемой миграции, следует обратить внимание на некоторые погрешности в научных исследованиях данного феномена. Во-первых, прослеживается некоторая неопределенность и неконструктивность в подходах к политике мультикультурализма как средства решения возникших проблем. Во-вторых, среди исследователей указанного явления отсутствует понимание того факта, что хаотично внедряемая политика мультикультурализма несет с собой угрозу целостности коренной национальной идентичности и консервирует, даже мумифицирует привнесенные, при этом, далеко не лучшие, образцы другой культуры. В-третьих, практическая политология сегодня не рассматривает других путей, средств и форм урегулирования интеграционных этнонациональных отношений, иначе чем действия в рамках политики мультикультурализма, она не предоставляет каких-либо качественно новых предложений, адекватных нынешнему уровню развития гражданского общества.

История современного мультикультурализма насчитывает всего несколько десятилетий, хотя попытки соединения культур существовали и ранее в рамках явления «ассимиляции». Мультикультурализм как понятие, определяющее отношения, которые не ассимилируют систему взаимоотношений между мигрантами и местным населением, появился в Канаде в 60-е годы прошлого века. В 1971 году это понятие приобрело юридически узаконенный характер. С этого момента мультикультурализм стал основным принципом государственной политики в отношении мигрантов и, соответственно, был официально признан государственными институтами как закономерное политическое условие дальнейшего социально - политического развития канадского общества. Данное

понятие включало в себя расовое, этнокультурное, религиозное многообразие именно Канады. С политической точки зрения мультикультурализм означает легитимацию культурного различия, имея в виду, что в пределах одного государства могут сосуществовать различные этнические, культурные, конфессиональные образования. Из этого положения следовало, что мигранты имеют право на «публичную репрезентацию и сохранение своих особых черт, образа жизни, продиктованного культурной спецификой» [4]. Собственно говоря, мультикультурализм теоретически предполагает возможность наличия в рамках одного государства многих дифференцированных этнонациональных или религиозных групп, которые продолжают сохранять свою идентичность в четко очерченных границах. Известная американская исследовательница явления мультикультурализма Сейла Бенхабиб, утверждает, что в пределах одного государства в условиях существования множества разнородных идентичностей, возможен контроль и регулирование мультикультурного разнообразия посредством использования определенных социальных механизмов, к которым она относит эгалитарную взаимность, добровольное самоприсоединение к идентичности, выбранной на основе личностного выбора, свободу выхода, создание ассоциаций и т.п. [1].

Опираясь на анализ существующих в разных странах форм взаимодействия традиций и норм, обычаев и права, С. Бенхабиб таким образом пытается решить вопрос о том, как, в какой степени и какими средствами можно совместить притязания культур на сохранение своей самобытности, высказываемые сторонниками мультикультурализма, с основными либеральными ценностями западной демократии - свободой и равенством всех граждан. В качестве инструментария предлагается обеспечение возможностей для дальнейшего развития других культур и субкультур в случае их отказа от сохранения статичности и готовности к дальнейшему росту в пределах демократического политического поля. При этом следует учитывать, что развивающееся разнообразие в любом его проявлении, то ли этническом, то ли национальном или культурном, всегда определяется через некоторые подвижки от замкнутой иерархии, целостной структуры к созданию новых конфигураций, которые содержат в себе качественно иные, более сложные способы сообщения компонентов в системе. Здесь мы сталкиваемся с неявной, на первый взгляд, двойственной природой мультикультурализма. С одной стороны, он выступает как идеология и основанное на ней политически уважительное, толерантное сосуществование, с другой стороны - мультикультурализм - это практика культурного разнообразия, которая выступает в форме мозаичных фрагментов и объективно существует в рамках самостоятельно определяемых инокультурных границ, не связанных с другими общей культурной матрицей. При отсутствии связующих звеньев между различными культурными фрагментами теряется общая перспектива дальнейшего прогресса. Более того, замкнутость на национальной

идентичности способствует появлению различных фобий демографического, политического, языкового, материального характера. Выход из положения видится в одном - развитие таких форм культурного взаимодействия, которые бы не поражали одну из сторон. Стремление к созданию новых культурных конфигураций в рамках мультикультурализма в европейской практике не имело успеха. Именно поэтому лидеры Германии, Франции и Великобритании в 2010 году открыто заявили о полном крахе политики мультикультурализма. « Мы были слишком озабочены идентичностью того, кто приезжает в страну, и обращали недостаточно внимания на идентичность самой принимающей страны», - отметил Н.Саркози [7]. Позиция исследователей в этом вопросе выглядит несколько иначе. Причины неопределенности мультикультурализма как живой реальности неамериканского типа и кризис этого явления, усматриваются, по нашему мнению, в следующем:

- мультикультурализм как теория не имеет методологического фундамента, ясной методики исследования, научно обоснованных выводов и рекомендаций;
- принцип толерантности, который положен в основу политики мультикультурализма, оказался несовместимым с рядом религиозных и других требований, привнесенных мигрантами нехристианских культур и ультимативно предлагаемых стороне, принимающей этих мигрантов;
- в политической практике отсутствует научно обоснованное представление о том, возможно ли и каким образом сочетать в рамках демократии антидемократические требования определенных групп мигрантов с нормами жизни коренного населения;
- механизм интеграции мигрантов не может быть разработан без их прямого участия и без желания идти на определенные компромиссы и открытый диалог по вопросам, табуированным с обеих сторон.

Именно на этих позициях настаивают политологи большинства европейских стран. Очевидно, следует согласиться с мнением Г. Рагаускаса, что согласно господствующей парадигме любое «познание культурных различий является условием справедливости, а общество становится сильнее, когда все люди в нем воспринимаются, какими они есть» [5]. Но в реальной жизни все выглядит иначе, о чем и свидетельствуют многочисленные признаки кризиса явления мультикультурализма.

Гарантированное принимающим государством, признание инаковости мигрантов абсолютизируется и дает совершенно неожиданные результаты. Признание и уважение со стороны местного большинства нередко порождает у мигрантов (особенно тех, кто исповедуют ислам) феномен собственного превосходства. Некоторые национальные меньшинства сводят к высшей степени свои национальные особенности (культуру, религию, образ жизни и др.) и нередко пытаются навязать их коренному населению. Открытость,

толерантность, требования первичной натурализации, такие как, знание языка, уважение демократических принципов, необходимость работать, отвергаются ими, что фактически противоречит самой сущности интеграции. Это же касается и вопроса диалога культур в рамках европейских фундаментальных ценностей. Такие понятия, как демократия, толерантность, уважение прав и свобод человека, верховенство закона, свобода слова некоторыми мигрантами попросту игнорируются.

В научной плоскости указанную ситуацию можно определить как открытое противостояние различных цивилизационных форм. Об этом же говорит российский политолог В. Тишков. Исследуя феномен российского мультикультурализма, он подчеркивает, что «мультикультурализм – это не только момент фиксации и признания в обществе (государстве) наличия культурных различий, но и концептуальная позиция в сфере политической философии и этики, которая находит свое отражение в правовых нормах, общественных институтах, повседневной жизни людей» [6]. Поэтому естественно, что в случае отсутствия хотя бы одного из этих элементов, например, правовых норм, разрушается вся структура мультикультурализма. Кроме того, провозглашая параллельность одновременного существования культур, мультикультурализм не учитывает того факта, что многообразие форм проявления, так называемой бытовой культурной инаковости, не является равноценным и совместимым. Полицентризм вместо иерархизации, как универсальная модель сосуществования этнорас и их культур, на практике не работает. Примером может служить французский опыт сохранения культуры национального большинства путем включения в нее лучших образцов культуры инокультурных меньшинств. С одной стороны, стремление препятствовать ментальному размыванию границ национальной культуры посредством включения мигрантов в общую гражданскую идентичность, привело к снижению уровня культуры национальной идентичности. С другой стороны, узаконенная мультикультурализмом деиерархизации национальных культур и легитимизация форм культурной инаковости постепенно, но неуклонно, ведут к тому, что инокультурная миграционная среда все активнее пытается нивелировать и поглотить европейскую культуру. Для анализа возможных перспектив и последствий указанных процессов целесообразно обратиться к рассмотрению источников явления мультикультурализма.

Политика мультикультурализма на европейском континенте была использована для реализации требований экономического развития и решения соответствующих задач социальной политики. Именно по этой причине во второй половине XX века Европа столкнулась с огромным разнообразием инокультурной цивилизационной, расовой, этнической, конфессиональной и бытовой реальностью, которая была привнесена

многочисленными мигрантами, и требовала ускоренного политического урегулирования сложившейся ситуации.

Первоначальной мотивацией иммиграции стал острый недостаток рабочей силы после разрушительной мировой войны. Соответственно, именно тогда следовало разрабатывать и принимать адекватные меры по немедленному политическому урегулированию данного процесса и попытаться определить его исторические перспективы. Однако, вместо собственно политического подхода к решению вопросов социального статуса мигрантов и правовых аспектов их будущего, был взят на вооружение, (и сегодня продолжает использоваться), этический принцип толерантности. Его сущность, как справедливо отметил российский исследователь В. Малахов, заключается в том, что в отношении к мигрантам утвердился такой подход: « мы вас уважаем как носителей инаковости, представителей другой культуры, другой цивилизации» [3] , но и только. Однако признание этих различий, тем не менее, в то время не означало признание необходимости натурализации и полной социализации мигрантов.

В реальности, признание инаковости, заложенное в европейской политике мультикультурализма, сегодня способствует сохранению и укреплению национальной идентичности мигрантов, как гастарбайтеров в период их временного пребывания в Европе. Это означает, что в основе политики мультикультурализма изначально лежит желание стран, принимающих мигрантов, именно вернуть их на историческую родину, а не интегрировать (ассимилировать) их в качестве граждан стран пребывания. Справедливости ради, следует отметить, что даже без соответствующего гражданства сегодня мигранты на социально - бытовом уровне пользуются теми же правами и возможностями, что и коренное население.

Но в вопросе национальной идентичности ситуация выглядит несколько иначе. Национальная идентичность в Европе определяется по признаку гражданства. Гражданин Германии – немец, гражданин Англии – англичанин и т.д. Национальная идентичность включает в себя, кроме общих правил хозяйствования и равенства перед законом, также наличие целого ряда факторов общенационального (государственного) характера – литературного языка, государственных символов, исторически сложившихся традиций, норм, правил, системы образования и культуры и т.д. На практике провозглашенное равноправное сосуществование различных форм культурной жизни оборачивается нетолерантным отношением или даже полным игнорированием существующих в обществе норм и правил жизни и засильем чужих верований, антидемократических обычаев и традиций. То есть, реально происходит разрушение основной цели любой нации – воспроизведение общей для всех граждан государства культурной идентичности в политических интересах всего народа.

Обращает на себя внимание еще одно важное положение, которое цементирует национальную идентичность. Мультикультурализм задумывался как ведущий принцип взаимной толерантности культур и их носителей. И хотя в его фундаменте было заложено требование параллельного существования разных культур, предполагалась, без лишнего декларирования, что будет происходить процесс их взаимного проникновения, обогащения и дальнейшего развития в рамках европейской культуры. Сторонники европейского мультикультурализма наивно верили, что, благодаря демократии, процесс включения элементов культур иммигрантов из стран «третьего мира» в собственное культурное пространство и наоборот, будет происходить в автоматическом режиме.

С осознанием ложности политики мультикультурализма, появилась идея политкорректности. Сущность ее заключается в сокрытии по этическим причинам, (чтобы ненароком не обидеть «гостей», преимущественно незванных), негативных сторон миграционного процесса. Некорректное поведение мигрантов в странах, где их радушно приняли, все чаще стало вызывать раздражение местного населения. Политкорректность стала результатом осознания невозможности успешно справиться с интеграционными проблемами и, была вызвана чувством страха за будущее своей страны. Результаты такого подхода оказались плачевными. Целенаправленное увеличение миграционных потоков в страны с демократической формой правления, усиленное кризисными явлениями в целом ряде слаборазвитых государств, постепенно превращается в фактор перманентной политической и социально-культурной нестабильности государств-хозяев. Хотя целью перемещения большинства мигрантов было бегство от военных конфликтов, бедности, бесправия, а в некоторых случаях, простое стремление воспользоваться социальными благами развитых стран, поведение определенных их групп не отвечало ни ожидаемому чувству благодарности за радушный прием, ни элементарной толерантности. Осуществив вторжение на чужое политическое поле, мигранты почти постоянно игнорируют местные «правила игры», активно насаждая свое видение норм человеческого общежития, как правило, чужеродного для европейцев. При этом, стремительный рост огромного, слабо контролируемого потока мигрантов в благополучные европейские государства, застал политиков практически врасплох. Именно насущная потребность в немедленном решении проблем, возникающих из-за неопределенной миграционной политики и обострения конфликтных ситуаций между мигрантами и новыми обществами, которые их приняли, вызвала к жизни, не подтвержденную исторической практикой, идею культурного плюрализма.

Представители социальной науки в лице американских исследователей В. Кимлика, М. Уолцера, Н. Глейзера, Р. Бернстайна и других убеждали, что развитие смешанного

общества на основе мультикультурализма не только желательно, но и вполне возможно. Однако, американская политика мультикультурализма, призванная сначала упорядочить, а затем решать на государственном уровне проблемы интеграции многочисленных инокультурных мигрантов, в процессе поспешного внедрении на европейской почве, не учитывала особенностей миграционного движения, характерного для Канады, Австралии и США. Европейская иммиграция в корне отличается от американо-австралийской и по национальному составу, и по содержанию культурных норм, и по своим причинам и целями. Именно поэтому мультикультурализм, предполагающий помимо толерантности еще и включение в культурное поле принимающих иммигрантов стран, элементов их культур, стал причиной политического беспокойства всего Евросоюза. И, если, по мнению некоторых ученых, сначала «дискурс мультикультурализма позволял перенести социальную проблематику в моральный план, перекодировать социальные отношения в отношения по поводу идентичности» [3], то впоследствии оказалось, что положительных результатов от такой перекодировки не следует ожидать. Так же, как раньше не принесла желаемых результатов политика ассимиляции, которая осуществлялась в 80-е годы XX века, и которая преимущественно опиралась на требование соблюдения принципа толерантности. И в этом случае причиной отсутствия каких-либо конструктивных результатов стало именно одностороннее внедрение в жизнь принципа толерантности. Как известно, данный принцип требует взаимного уважительного отношения к законам, культурным ценностям, традиционным нормам и правилам человеческого общежития. Однако, значительное количество мигрантов с другой, чужой для европейцев культурой, традициями, религиозными верованиями, вовсе не стремится к интеграции в новое общество. Они являются представителями другой, в определенном смысле чужой цивилизации. Основанная на утверждении «в Коране есть ответы на все вопросы бытия», эта цивилизация культивирует консервативность и догматизм. Часть переселенцев, исповедующих ислам, не только игнорируют язык, культуру и традиции стран, которые их приняли, но и открыто демонстрируют неприятие этих ценностей и все чаще становятся источником неприкрыто агрессивного экстремизма [2].

Именно по этим причинам мультикультурализм не мог быть реализован ни как идеология, ни как политика, ни в одной из европейских стран. Более того, попытки практического внедрения принципов политики мультикультурализма привели в некогда стабильных обществах к растущим элементам национализма, расизма и ксенофобии. Реальные угрозы размывания коренных национальностей, потери ими национальных особенностей, упрощения и примитивизации национальной культуры, выдвинуло на повестку дня вопрос сохранения идентичности коренных наций. И это не случайность. Как

показывает практика, параллельное существование иммигрантов из обществ с другой культурой, не ограниченное определенными политико-правовыми нормами, постепенно приводит к агрессивному насаждению ими собственной религии и культуры. Так, например, рядовые граждане многих стран с нескрываемым ужасом наблюдают, как европейский континент с многовековыми христианскими традициями стремительно покрывается густой сетью мусульманских мечетей и минаретов. Даже несведущему человеку становится понятным, что такое положение дел явно не соответствует нынешнему количеству мусульман и, что такая ситуация откровенно проецируется в будущее уже не христианской, а мусульманской Европы. Идеология исламистов стремится проникнуть в новое географическое пространство в любую среду, будь то демография, политика, культура, быт. Экстремистские группы иммигрантов, представляющих европейцам арабскую цивилизацию, уже открыто призывают к террору и физическому устранению лидеров демократических государств.

В этих условиях европейцам следует исходить из следующей позиции: мы – граждане единого сообщества, имеем равные права и обязанности, несмотря на расхождения в культуре, языке, традициях. Право каждого человека выбирать свою идентичность, но верховенство гражданской идентичности должно всегда оставаться приоритетным. В этом вопросе европейские государства допустили серьезный политический просчет. Они лишили себя части своего правового поля, касающегося явления идентичности. Его стихийно заняла часть мигрантов, которая и реализует свое собственное представление о шкале толерантности, поведения и соблюдения законов в чужой стране. Неотъемлемым долгом всех европейских государств является возвращение к собственным правовым нормам, которых нужно строго придерживаться, следуя принципу применения суровых карательных мер к нарушителям действующих законов. Ссылка на незнание законов или собственные этнические, политические, религиозные и другие нормы не должны ограждать от применения правосудия для любого члена общества.

Вопрос сохранения национальной идентичности находится на острие общественных дискуссий. Они должны проходить в форме открытого диалога и ставить целью формирование гражданской и в этом смысле общенациональной (немецкой, бельгийской, шведской, украинской и др.) идентичности. Только таким образом может быть решен конфликт между различным миропониманием, мировоззрениями и культурами.

Следовательно, в условиях глобализации меняется не только концепция, но и методы политического урегулирования миграционных проблем. Одним из возможных вариантов политического решения проблем национальной идентичности является коммуникативный дискурс в форме открытого диалога между сторонами на уровне этнических и коммунальных

общин, который ранее не применялся из-за так называемой «односторонней» демократии. Политическая модернизация национальной идентичности заключается в том, чтобы идеи европеизации господствовали не только среди коренного населения, но и охватывали среду мигрантов, превращая их в новых, не только социально, но и политически ориентированных европейцев.

Література:

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Сейла Бенхабиб. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
2. Куропятник А. И. Иммиграция и национальное общество: Франция/ А. И. Куропятник // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII. – № 4. – С. 137-165.
3. Малахов В. После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты. [Электронный ресурс]: Режим доступа: < <http://polit.ru/article/2012/01/27/malakhov>>/.
4. Мамонова, В.А. Мультикультурализм: разнообразие и множество/ В.А. Мамонова // Интелрос. – 2007. – № 2. – С. 29-38.
5. Рагаускас Р. Парадокс мультикультурализма: толерантность по отношению к нетолерантным. - Геополитика. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <<http://ru.delfi.lt/opinions/comments/paradoks-multikulturalizma-tolerantnost-po-otnosheniyu-k-ne-tolerantnym>>/.
6. Тишков В.А. Теория и практика многокультурности. / В. А. Тишков // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 331–350.
7. Трещанин Д. «Мультикультурализм – это тупиковая стратегия». Европа пересматривает отношения с нацменьшинствами, Россия остаётся верна выбранному пути. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <<http://svpressa.ru/society/article/38872>>/.